

УДК 321.0
ББК 66.01
DOI: 10.46726/Н.2020.4.20

А. А. Матвеев

МИГРАЦИОННЫЕ ВОЙНЫ НОВОГО ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО УКЛАДА

В статье автор анализирует новое для нашего века понятие «миграционная война». Определяются предпосылки развертывания миграционной конфронтации между государствами, описываются возможности и последствия для участников, вовлечённых в процесс. Также дается характеристика миграционных столкновений на региональном уровне через определение чувства миграционного кворума и его влияние на конфликтность. В заключение даются рекомендации уделять пристальное внимание и изучать корневые причины феномена миграции, независимо от того, может ли это привести к очередной локальной или глобальной войне.

Ключевые слова: миграционная война, миграционные процессы, миграционная политика, чувство кворума, мигранты, столкновения и конфликты, миграционный интервенционизм.

А. А. Matveev

MIGRATION WARS OF A NEW TECHNOLOGICAL ERA

In the article, the author analyzes the concept of “migration war”, which is new for our century. The prerequisites for the development of migration confrontation between states are determined, the possibilities and consequences for the participants involved in the process are described. The characteristic of migration clashes at the regional level is also given through the definition of a sense of migration quorum and its effect on conflict. In conclusion, recommendations are given to pay close attention and study the root causes of the phenomenon of migration, regardless of whether it can bring to the next local or global warrior.

Key words: migration war, migration processes, migration policy, a sense of quorum, migrants, clashes and conflicts, migration interventionism.

Массовая миграция в устойчивом и глобальном масштабе, который продолжает испытывать весь мир, создает напряженность не только внутри государств, но и между ними. Эта напряженность иногда перерастает в открытый конфликт. Что непременно приведет человечество к новой эре «миграционных войн». «Одним из важнейших факторов современного геополитического противостояния является легальная и нелегальная миграция населения, которая особенно в последние годы приводит к дестабилизации социальной жизни многих стран Мира, главным образом, посредством эскалации деструктивного феномена «миграционных войн» [6, с. 7].

Это представляет собой любопытную инверсию. На протяжении веков война была основной и часто единственной движущей силой массовой миграции. Совершенно очевидно, что неопределенное число гражданских лиц было вынуждено бежать от боевых действий, которые бушевали в Европе и в других

© Матвеев А. А., 2020

местах во время Первой и Второй мировых войн, в то время как продолжающаяся гражданская война в Сирии привела, возможно, к 5,3 миллиона беженцев, в дополнение добровольной миграции. Однако сегодня война не только продолжает вызывать массовую миграцию, но и сама миграция может стать причиной войны. При этом, мы можем отметить, что война чаще всего понимается как политический конфликт, включающий вооруженные действия значительной продолжительности и величины. Однако, по К. Клаузевицу, вооруженная борьба — это лишь внешняя сторона войны, а сама война «представляет собой политический акт», при этом «война не только политический акт, но и подлинное орудие политики, продолжение политических отношений, проведение их другими средствами» [2, с. 16]. А. В. Владимиров, также характеризует феномен миграции как разновидность войны, развязанную глобалистами: «современные антропотоки — это ... вид современной асимметричной войны ... Глобалисты используют миграцию в качестве главного геополитического оружия» [1]. Предпосылками этого стали масштабы нынешнего кризиса мигрантов. Огромное количество людей бежало из стран Ближнего Востока и Африки, чтобы начать новую жизнь на Западе, рискуя своей жизнью, совершая часто чрезвычайно опасные поездки по Средиземному морю или по суше через «транзитные», страны, такие как Турция и Греция: только за 2019 года 16,5 млн мигрантов смогли пересечь Средиземное море [5].

Миграция также затронула и другие регионы мира, около полумиллиона этнической диаспоры Рохинджа бежали от насилия и преследований в своей родной Мьянме в соседние государства, в частности, Бангладеш, Таиланд, Индонезии и Малайзии. Также, в странах Африки к югу от Сахары миллионы людей бегут от нищеты из не имеющих выхода к морю государств Сахеля и стремятся к относительному процветанию Западной Африки: например, около одной пятой населения Кот-д'Ивуара составляют люди, родившиеся в других местах. Такой огромный поток мигрантов, или даже гипотетический вариант такого развития, воспринимается как угроза, и заставляет западные правительства вмешиваться в политику чужих стран — будь то страна отправления, либо страна транзита в попытке обуздать эти потоки. Здесь, конечно, нет ничего нового. У одной страны всегда есть интерес и мотив вмешиваться в дела другой, если на нее влияет поток беженцев из этой страны; Это было справедливо, если взять один очевидный пример участия Запада в Балканских войнах в начале и середине 1990-х годов. Но появление устойчивой массовой миграции из стольких разных мест и через множество разных маршрутов и границ — это новое явление, которое вызывает изменение стратегического направления в странах ЕС.

Такой «миграционный интервенционизм», конечно, может быть совершенно мирным — например, предоставление финансовой помощи для конкретных программ и инициатив, направленных на снижение уровня миграции. Но это может также принять более амбициозные, милитаристские формы, такие как развертывание войск, для стабилизации политики иностранных стран или регионов внутри них, которые испытывают или потенциально могут испытывать значительный отток населения. Это не только уменьшит или устранил какой-либо стимул для предполагаемых мигрантов, но также позволит правительствам депортировать и вернуть существующих мигрантов в «безопасную страну» (находящиеся под контролем военного альянса). Это было хорошо продемонстрировано на Мюнхенской конференции по безопасности в феврале 2017 года, когда министр обороны Великобритании сэр Майкл Фэллон

оправдал продолжающееся, хотя и ограниченное, присутствие Великобритании в Афганистане на том основании, что политический кризис страны приведет к массовый кризис беженцев. «Мы здесь почувствуем последствия, очень прямо», — заявил он. «Могло быть от трех до четырех миллионов молодых афганцев, отправленных из своих деревень на запад, и они направляются сюда» [8]. Это стало новым оправданием для присутствия союзных войск в Афганистане, которое ранее было рационализировано по ряду других причин: от борьбы с террористами, представляющими угрозу для Запада, до предотвращения потока наркотиков и установления демократии и прав человека.

Вместо того, чтобы направлять свои собственные войска за границу, чтобы предотвратить или сократить миграцию на свою территорию, правительства также могут спонсировать действия иностранных армий от их имени. Примером могут служить объединенные силы «G5 Сахеля», которые французское правительство при поддержке других западных стран начало создавать в Сахеле в течение 2017 года. В него входят пять тысяч солдат, взятых из армий Буркина-Фасо, Мали, Мавритании, Нигера и Чад, эта сила финансируется ЕС, лидеры которого считают его отчасти анти-повстанческой силой, а также средством сокращения потока мигрантов.

Опыт таких операций открывает перспективы конфронтации и военных столкновений между государствами реципиентами и странами донорства и транзита. Например, когда итальянское правительство направило два патрульных корабля недалеко от ливийского побережья в августе 2017 года, генерал Халифа Хафтар, правитель большей части Ливии, пригрозил атаковать их, если они войдут в ливийские воды для поиска и уничтожения лодок беженцев. Его предупреждение отразило растущий народный гнев среди ливийцев против итальянского вмешательства в их внутренние дела. Такие столкновения могут стать более вероятными, если иностранное правительство угрожает эксплуатировать или манипулировать кризисом беженцев в попытке получить уступки от других стран, в которые эти мигранты, вероятнее всего двинутся. Похоже, это относится к ливийскому правительству под властью Каддафи. Выступая на собрании в Риме в августе 2010 года, Каддафи заявил, что, если ему не дадут большие суммы денег, Европа переживет «набег миллионов иммигрантов», который превратит ее в «другую Африку». Требуя выплатить 5 млрд евро, чтобы этого не произошло, его заявления были осуждены итальянскими парламентариями как «недопустимый шантаж». В контексте этих замечаний вполне возможно, что англо-французское нападение на Ливию в 2011 году было первой миграционной войной современности.

Турция, которая является буферной транзитной зоной более трех миллионов беженцев, в прошлые годы совершил подобный ход политического шантажа против ЕС: в марте 2017 года президент Турции Реджеп Тайип Эрдоган пригрозил разорвать ключевую сделку с ЕС в отношении мигрантов, в ответ на запрет, введенный правительствами Германии и Нидерландов на политические митинги её гражданам, проживающими в этих странах. Тот же маневр Анкара провернула при обострении военного конфликта на границе с Идлиб. Они просто «сделали свои границы прозрачными» на 72 часа, что привело к перемещению более 50 тыс. человек к границам Греции, и скорее всего это были не простые мигранты, а боевики с Идлибского района. Если в будущем другие государства будут использовать аналогичную тактику против более могущественных стран, они могут рискнуть спровоцировать вооруженный ответ.

Помимо иностранного вмешательства в странах отправления или вооруженных столкновений с правительствами, которые пытаются манипулировать миграцией, мир может стать свидетелем других типов миграционных войн. В частности, иностранные державы могут намеренно создавать или усугублять кризис беженцев в другой стране, чтобы отвлечь внутренние ресурсы принимающих стран. Такой сценарий более вероятен сегодня по той простой причине, что устойчивая массовая миграция людей уже началась и продолжает наращивать свои темпы. Это означает, что у правительства или наднациональных и общественных организаций появляется больше возможностей манипулировать этим феноменом, это удобно тем, что искусственно управляемую миграцию трудно объявить иностранной интервенцией, также акторы являются менее подвержены риску международного осуждения.

Примером может служить кризис сирийских беженцев. В марте 2016 года, спустя несколько месяцев после того, как Россия открыто вмешалась в конфликт на стороне президента Башара Асада, генерал Филипп Бридлав, Верховный главнокомандующий союзниками в Европе и глава европейского командования США, заявил, что Владимир Путин и Асад «вооружились оружием». «Миграция через кампанию бомбардировок гражданских центров. Их повестка дня, продолжил он, «заклучалась в том, чтобы подорвать НАТО и Западную Европу: Вместе Россия и режим Асада намеренно вооружают миграцию, пытаясь сокрушить европейские структуры и сломить европейскую решимость», — сказал генерал Бридлав» [9]. Также вероятно, что Исламское Государство (ИГИЛ)* намеренно создало или усилило поток беженцев из Ирака и Сирии. Его шокирующие акты жестокости, такие как обезглавливание пленников и осторожное распространение таких изображений в Интернете, имели четкое обоснование: вселить страх в сердца гражданских лиц и заставить их бежать. Они подсчитали, что это не только расчищает путь для своих «боевиков», но также сократит ресурсы соседних и, возможно, прозападных режимов, таких как Ливан и Иордания, одновременно увеличивая поток беженцев в Западную Европу. В долгосрочной перспективе это, вероятно, будет рассматриваться как способ «исламизации» Запада — увеличения численного присутствия мусульман, но наиболее очевидно, что в краткосрочном и среднесрочном плане это был способ проникновения в Европу сочувствующих: об этом свидетельствуют многочисленные нападения по всей Европе, включая Париж, Ниццу, Манчестер, Лондон и Берлин, со стороны повстанцев, связанных с ИГИЛ. Это не единственный пример, дестабилизация в 1990-е годы в Тунисе, разжигание народного недовольства, не без помощи США привело к свержению действующего президента «в результате расчищен путь для исламского экстремизма. Далее рубеж нестабильности был распространен на Ливию, Египет, Сирию. Эта дестабилизация и ввела в действие мощное «миграционное оружие», и Европа стала задыхаться от беженцев. Фактически такая многоходовая политическая комбинация стала сценарием для развязывания и реализации современной миграционной войны» [4, с. 184].

Также феномен массовой миграции может вызвать вооруженные столкновения между государствами и активистами, которые действуют — или утверждают, что действуют — от имени мигрантов или, в некоторых случаях, для защиты собственной родины от мигрантов. Например, летом

---

* Деятельность организации запрещена на территории РФ.

2017 года крайне правая немецкая группа «Защити Европу» отправила судно в Средиземное море, чтобы противостоять лодкам беженцев и отправлять их «обратно в Африку». Такие столкновения, которые могут также вспыхнуть между активистами, конечно, вряд ли будут продолжительными или масштабными, но могут быть краткими и стать кровавыми. Насилие в Кале в 2016 году было организовано активистами, которые противостояли полиции, в то время как в августе 2017 года ливийские власти недвусмысленно предупредили неправительственные организации, которые помогали некоторым лодкам-беженцам в пересечении Средиземного моря держаться подальше от их территориальных вод. Такие столкновения на низком уровне могут также вызвать более серьезную конфронтацию, если в ходе этого процесса одно правительство будет обвинено или возьмет ответственность за нанесение увечий или убийство иностранных граждан. Это, безусловно, создаст очень серьезную политическую напряженность.

В определенных условиях международные мигранты могут создать серьезные проблемы закону и порядку в принимающей стране, или, с другой стороны, принимающая страна может негативно воспринимать массовую миграцию и расселение в конкретном районе как маневр страны-донора для будущего невооруженного завоевания или утверждения суверенитета в долгосрочной перспективе, через интеграцию своей культуры или религии. При этом попытки принимающего государства в ответ на давление со стороны общества и от правоохранительных органов, чтобы отправить мигрантов обратно в свою страну может ухудшить отношения между странами взаимодействия миграционных процессов и может даже привести к конфликтам. Недавнее решение итальянского правительства о депортации мигранты привели к дипломатическому спору с Тунисом. Аналогичным образом, решение Аргентины депортировать «совершивших преступление» иммигрантов привело к его трениям с несколькими странами Южной Америки [10].

Возможно, здесь можно было бы поставить точку в миграционных войнах, если бы не одно но. На уровне страны или даже региона также могут разворачиваться миграционные баталии. Основоположником, который описал это процесс можно назвать А. В. Тонконогова, его определение «миграционные войны — открытое политическое, экономическое, социальное, идеологическое противостояние между коренными жителями государства и мигрантами с использованием различного рода непрофессионального вооружения на почве расовой, религиозной, социально-политической и иных форм нетерпимости» [6, с. 8] устремляет наш взгляд внутрь стран. И действительно все чаще мы становимся свидетелями открытых столкновений между местными гражданами/представителями органов власти и приезжими мигрантами.

Ярким примером конфронтации стало мартовское столкновение на границе Греции, где полиция была вынуждена применить слезоточивый газ, чтобы отразить сотни бросающих камни мигрантов, которые пытались прорваться через границу. При этом правительство Греции указало это как ситуацию, которая представляет собой активную, серьезную и асимметричную угрозу безопасности страны. Добавим при этом, что таким образом Турецкая сторона использовала мигрантов как пешки на геополитической доске в попытке шантажа ЕС.

Международное сообщество плохо подготовлено к тому, чтобы справиться с наплывом городских беженцев. Быстрая урбанизация из-за международной миграции в принимающих странах, несомненно, создает различные

социальные проблемы, но, что более важно, также приносит большое количество недовольного населения в тесной «физической близости». Проживание местного населения и мигрантов близко друг к другу в городской среде может спровоцировать организацию режима против принимающего государства. Доступ к современным системам связи и средствам массовой информации может иметь значительное влияние на эту конфронтацию. Оппозиционные группы и активисты также могут найти в этом положительные эффекты мобилизовать людей на борьбу с режимом. Возможные миграционные конфликты в городских центрах принимающих стран между мигрантами и властями принимающего государства может быть результатом превращения разочарования мигрантов в организованную политическую борьбу.

Растущее число «городских беспорядков» в разных городах Европы можно рассматривать как часть этой стратегии протеста со стороны мигрантов. Экономические условия, дискриминационная политика и жилищные проблемы стали предпосылками предпринять эти (не)случайные насильственные протесты. И это не только «тяжкий крест» ЕС, в 2008 году масштабный бунт состоялся в Йоханнесбурге (Южная Африка), между уроженцами Южной Африки иммигранты из Зимбабве, в которых погибли по меньшей мере 22 человека [7].

Как же это происходит? «Чувство кворума» (Quorum sensing) — широко распространенный в природе механизм, позволяющий группам организмов выполнять координированные, слаженные действия» [3]. Известно, что отдельный индивид сам по себе не организован и его поведение зачастую не определено и не предсказуемо. Так и в группе отдельных мигрантов не сформирован механизм управления и как следствие отсутствует согласованность действий, пока не достигнут порог кворума. Ключевым моментом миграционного кворума является численность мигрантов на ограниченном участке, который может запустить механизм саморегуляции и сплочённости прибывшего общества. Не всегда это число может измеряться тысячами или миллионами. Иногда будет достаточно 5—10 семей мигрантов в небольшой альпийской деревне.

Изначально мигранты ведут себя естественно для иностранцев, пытаются понять и изучить культуру принимающей стороны, со временем их социальная сеть обрастает большим количеством знакомств. И если это будут местные люди, то языковой барьер будет снижаться, миграционные страхи уменьшаться, интеграция будет протекать последовательно и в правильном направлении. Если мигранты будут вести общение только со своими соотечественниками, не принимая местные правила, то со временем мы сможем увидеть девиантное поведение, примеры которого мы могли наблюдать во время погромов во Франции, «новогодних приключений» в Кельне и повсеместные свалки в местах обитания мигрантов. Это менталитет мигрантов, который начинает проявляться при чувстве кворума, поддерживаемые диаспорой, сплоченные мигранты чувствуют свою силу и ненаказуемость. Вследствие чего они начинают нарушать законы, организовывая банды для грабежей, насилия и вымогательств.

Тонкую грань начала работы «чувства кворума» достаточно трудно поймать, но достаточно легко проследить: скопление групп мигрантов, как правило, сидящих вдоль центральных улиц без определенного рода занятий; учащение жалоб местного населения на иностранцев; появление куч мусора рядом с местом обитания мигрантов; увеличение количество преступлений приезжими. Что незамедлительно вызывает ответную реакцию у местных жителей, заставляя их объединяться с мигрантами «первой волны» и вступать

в конфронтацию с новоприбывшими. В итоге это может привести к тому, что люди выйдут на улицы защищать себя и свои дома, а то, что из этого может получиться, мы проходили с Германией в 1931—1933 годах.

Таким образом, можно сказать, что «чувство кворума» — это социальное состояние изначально разрозненных мигрантов, по мере увеличения количества которых зарождается групповое девиантное поведение. При этом происходит прекращение интеграции в принимающее общество и навязывание мигрантами своих прав посредством политического шантажа в виде вызова социуму и правительству, которое не может адекватно отреагировать в виду провозглашения общей толерантности.

«Контроль миграции позволяет, по необходимости, предоставлять или блокировать поступление трудовых ресурсов; создавать ситуации близкие к миграционным войнам, что неизбежно ведёт к дестабилизации социальной обстановки и акцентировать внимание государств-конкурентов на решении внутренних проблем, ослабляя их влияние на геополитические процессы» [6, с. 8]. Другими словами, новый миграционный феномен — это не просто гуманитарная трагедия, но и угроза дестабилизации ряда целых регионов мира с далеко идущими последствиями. Это означает, что для каждой страны, как в развивающемся, так и в развитом мире, необходимо научиться управлять не только потоком людей, но и устранять причины проблемы миграции «в зародыше». Больше внимания следует уделять коренным причинам этого явления, независимо от того, связано ли оно с войной, коррупцией или ростом населения. Последствия бездействия будут глубокими для всех; новый век миграционных войн уже начался.

Список литературы

1. *Владимиров А. И.* «Новая Орда» // Военно-промышленный курьер, 2015, № 45 (611), 25 ноября — 1 декабря. С. 8.
2. *Клаузевиц К.* О войне. М.: Госвоениздат, 1934. 340 с.
3. *Марков А.* «Чувство кворума»: принятие коллективных решений в макро- и микромире. URL: https://elementy.ru/novosti_nauki/431043 (дата обращения: 01.09.2020).
4. *Отюцкий Г. П., Меликов И. М.* Миграционные войны как предмет социально-философского анализа // Социальная политика и социология. М.: Изд. Российский государственный социальный университет, 2017. Т. 16, № 5. С. 175—183.
5. Портал данных миграции. URL: https://migrationdataportal.org/?i=stock_abs_&t=2019&m=2&sm49=39 (дата обращения: 01.09.2020).
6. *Тонконогов А. В., Малюк М. В.* Миграционные войны как инструмент современной геополитики // Социально-гуманитарные знания. 2016. № 4. С. 7—20.
7. *Chris McGreal.* Thousands Seek Sanctuary as South Africans Turn on Refugees. The Guardian, 19 May 2008. URL: <https://www.theguardian.com/world/2008/may/20/zimbabwe.southafrica> (дата обращения: 01.09.2020).
8. *Howard R. T.* Мы должны больше знать о «доктрине Фаллона». URL: <https://www.telegraph.co.uk/news/2017/02/23/need-know-fallon-doctrine/> (дата обращения: 01.09.2020).
9. *Rettman A.* Russia is real cause of EU border crisis, US says Обозреватель ЕС. URL: <https://euobserver.com/migration/147695> (дата обращения: 11.03.2020).
10. *Simon Romero & Daniel Politi.* Argentina's Trump-like Immigration Order Rattles South America. The New York Times, 4 February 2017. URL: <https://www.nytimes.com/2017/02/04/world/americas/argentinas-trump-like-immigration-order-rattles-south-america.html> (дата обращения: 01.09.2020).